

УДК 37.034+821.161.1-1 Сумбатов

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В.А.СУМБАТОВА ДЛЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНИНА РОССИИ

Н.С.Титова

CREATIVITY OF V.A.SUMBATOV AND ITS IMPORTANCE FOR SPIRITUAL EDUCATION OF A RUSSIAN CITIZEN

N.S.Titova

Московский государственный областной университет, ns_titova@mail.ru

Утверждается, что для духовно-нравственного воспитания школьников и студентов важное значение имеет творчество поэта первой волны эмиграции В.А.Сумбатова, а интертекстуальное чтение его высокохудожественных произведений позволяет выявлять не только литературные традиции, но и развенчивать устоявшиеся мифологические представления при интерпретации текстов поэтов-классиков и даже возрождать незаслуженно забытые имена, например В.А.Шуфа.

Ключевые слова: *духовно-нравственное воспитание, творчество В.А.Сумбатова, интертекстуальное чтение*

The article states that for the spiritual and moral education of the students the works of the poet V.A.Sumbatov, the emigrant of the first wave, are important. The intertextual reading of his highly artistic works can detect not only the literary traditions, but also can discredit the established mythological ideas in the interpretation of classical poets texts and even could revive undeservedly forgotten poets names such as V.A.Shouf.

Keywords: *spiritual and moral education, creativity, V.A.Sumbatov, intertextual reading*

Будущее России зависит от духовной и культурной жизни страны, а воспитание Человека начинается на занятиях по словесности, поэтому происходящие в современном мире процессы предъявляют наивысшие требования к преподаванию литературы как предмета, по традиции оказывающего, наряду с дисциплинами «русский язык» и «история», решающее влияние на формирование мировоззрения гражданина России, и побуждают литературоведов — теоретиков и преподавателей — под новым углом зрения посмотреть на художественное произведение. Воспитание читателя, способного воспринимать глубинные, «недряные» смыслы русского слова, является также важнейшей задачей школы.

Высокохудожественные тексты, по традиции, играли наиважнейшую роль в обучении грамотности и словесности еще в дореволюционной России. Так, Министр народного просвещения давал следующие рекомендации учебным округам 1-го августа 1908 года (Приказ № 18498): «Значение образцов не в том, чтобы следовать им, а в том, чтобы, руководясь чу-

жим опытом, на основании его выработать свой собственный метод» [1, с. 138], а основное назначение словесности — «не только развить ум и обогатить его познаниями, но и дать нравственное воспитание, укрепить волю и облагородить дух» [1, с. 147].

Наследие Василия Александровича Сумбатова (1893—1977) корнями уходит в православное христианское миропонимание, обнаруживает связи с литературными и сакральными истоками: Священным Писанием, трудами отцов церкви и древнерусской литературой, с традициями поэзии XVIII—XX веков. Уникальность творческой манеры Сумбатова определяется гармоничным сочетанием высочайшей культуры стиха, ясности содержания с поисками формы, которая, однако, никогда не затрудняла восприятие его стихов. Афористичность формулировок и проникновенный лиризм, гражданственность, философичность, но — главное — любовь к земному и небесному Отечеству, христоцентричность, пасхальность, литургичность, исповедальность, бережное отношение к слову дают основание возводить генезис

сумбатовской поэтики к лучшим традициям русской классической литературы — к Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, Фету, Ф.Глинке и А.К.Толстому, Вл.Соловьеву, К.Р. и др. Поэзия Сумбатова свидетельствует, с одной стороны, о вкладе поэта в развитие метрики, строфики, мелодики, звукописи стиха, с другой — о тесной непрерывающейся связи с духовными святоотеческими и литературными традициями. Глубина духовной жизни поэта находит отражение в самобытной форме его произведений.

Интертекстуальное прочтение произведений Сумбатова способно помочь при восприятии мифологизированного в советское время творчества писателей-классиков, с учетом целостности мировосприятия сместить акценты в преподавании русской литературы в школе. У Пушкина, Лермонтова, Фета и многих других в советское время искали атеистические, чуть ли не богоборческие убеждения. К сожалению, в большинстве общеобразовательных школ и в настоящее время при изучении пушкинского творчества акцентируется внимание на ранней свобододолюбовой лирике, а вершинное творение — «Каменноостровский цикл» — остается за пределами школьных интересов, стихотворение «Памятник» не рассматривается как завершающее этот цикл в контексте глубоких духовных, религиозных поисков Пушкина в 30-е гг., а трактуется без учета исследований философов и литературоведов Русского зарубежья и современной эпохи.

Обратим внимание на диалог Сумбатова с творчеством Владимира Александровича Шуфа (1863—1913), чье имя незаслуженно предано забвению после смерти в 1913 году, несмотря на то, что при жизни опубликовано, по нашим сведениям, 11 книг, и в 1909 году поэт включен в качестве претендентов на Пушкинскую премию (премию получили И.А.Бунин и А.И.Куприн, а книга сонетов Шуфа «В край иной...» [2] удостоена Почётного Пушкинского отзыва).

Сумбатов в поэме «Без Христа» [3, с. 105-135], опубликованной в сборнике 1922 года и явившейся своеобразным откликом на блоковскую поэму «Двенадцать» [4], апеллирует и к роману В.А.Шуфа «Кто идёт?» (1907) [5], описывающего события Русско-японской войны и первой русской революции. Финальные строки поэмы «Двенадцать» взяты эпиграфом к поэме Сумбатова, а название романа Шуфа — названием последней части поэмы «Без Христа».

В поэмах «Двенадцать» и «Без Христа», как и в романе «Кто идёт?», показано влияние войны на развитие революционной ситуации в России, причём Шуф и Сумбатов подчеркивают это явно, поскольку оба были свидетелями войн: Шуф — корреспондентом, освещавшим события Русско-японской войны, а Сумбатов — участником Первой мировой, в ходе которой был тяжело ранен, контужен, удостоен Георгиевского креста в звании ротмистра. В поэме Блока эхо Первой мировой отзывается потаённо: лишь «австрийское ружье» да образы людей, идущих по городу со стальными винтовочками в руках защищать революцию, напоминают о военных событиях эпохи.

Поступь времени, его трагическое, тревожное

дыхание ощущается и в романе «Кто идёт?», и в поэмах «Двенадцать» и «Без Христа». В начале романа Шуфа описываются действия на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны (I часть «В горах Манчжурии»), а I часть поэмы Сумбатова «На фронте» освещает события Первой мировой. Затем действие переносится в романе «Кто идёт?» — в Петербург (II часть «Семья и полк»), а у Сумбатова — в Москву (II часть — «Дома», III часть — «Кто идёт?»). У Шуфа и Сумбатова названия городов вплетены в канву произведений, а у Блока имя города в поэме эксплицитно не обозначено, намёком служат плакат «Вся власть Учредительному Собранию!» да тишина «над Невской башней».

Судьбы героев анализируемых произведений тесно связаны с судьбами Отечества. Любовная драма в романе «Кто идёт?» разворачивается на фоне исторического повествования о судьбе России времени Русско-японской войны и революции 1905 года. Шуф писал, что по возвращении из Манчжурии главный герой оказался в гуще новых, грозных событий эпохи митингов, тайных сборищ, забастовок. Сумбатов во II части «Дома» описывает возвращение из армии солдат песенно-частушечной интонацией, усиливающей трагизм происходящего: «Как пошли наши ребята / Да из армии домой, — / То ль домой идут солдаты, / То ль громили на разбой?...» [2, с. 122].

Поэма Сумбатова отражает историю революции 1917 года (от зарождения злобы в сердцах солдат в окопах на германской войне до катастрофических последствий осуществлённого переворота); и текст блоковской поэмы откликается в поэме «Без Христа» цитатами, аллюзиями, именами героев (Ванюха, Петруха). Блок отметил утрату «имени святого» (как и отказ от креста и от Христа) героями нового мира, поэтому сопоставление имён действующих лиц поэмы «Двенадцать» с евангельскими именами, по нашему мнению, вполне оправдано, поскольку вместо апостольских имён Иоанна Богослова (или Иоанна Крестителя или Иоанна Златоуста), Андрея Первозванного и Петра, великомученицы Екатерины в переломную, мятежную эпоху рождаются имена Ваньки, Андрюхи, Петрухи (Петьки) и Катьки. Вспомним, что святую Екатерину, уверовавшую в Христа и принявшую смерть за веру христианскую, особенно почитал император Пётр Великий, пожертвовав драгоценную раку для мощей великомученицы. Возможно, имена Петрухи и Катьки могли бы быть соотнесены с именами императора и императрицы начала XVIII века, чья деятельность, по сути, ознаменовала поворот от Древней (Святой) Руси к новой эпохе. Отметим, что в романе Шуфа, созданном на десятилетие раньше «Двенадцати», главного героя зовут Андрей Петрович, а его сына — Петрик (совсем в духе нового времени начала XX века!).

В последней части «Кто идёт?» поэмы «Без Христа» словно продолжается повествование, начатое Блоком: в «Двенадцати» действие разворачивается в святки — дни от Рождества до Крещения, а поэма «Без Христа» завершается в страстную седмицу.

— Не пойти ли в Божий храм?

Не бывал давно я там...

Сердце чешется чего-то, —
Ведь Страстная, брат, Суббота!..
— А тебе что за напасть!

Коли хочешь видеть страсть,
Так зачем в церквах толкаться?
Только блох там набираться!
В чрезвычайку к нам сходи,
Там на страсти погляди! [2, с. 127], —

так в поэме «Без Христа» в полной мере реализуется тезис: «Если Бога нет, всё дозволено».

Рефрен «Кто идёт?» многократно звучит в романе Шуфа. Впервые в начале романа этот вопрос читатель слышит из уст японца во время войны: «— Дарега кимас-ка? — Кто идёт? — вдруг растерянно крикнул японский часовой и почти в упор выстрелил из ружья» [5, с. 49]. (Здесь Шуф продолжает традиции Соловьёва, в частности стихотворения «Панмонголизм». К Соловьёву неоднократно в романе апеллирует Шуф так же, как и Блок, и Сумбатов в своих произведениях). А во время волнений в Петербурге Рубежов (значащая фамилия — *рубеж эпох*), один из героев романа, посредственный художник, представитель интеллигенции, защищающий интересы бунтующей толпы, заявляет: «Разве вы не чувствуете, что надвигается нечто страшное, идёт, как грозовая туча...». И на вопрос Андрея Петровича «Кто идёт?» Рубежов резко ответил: «Может быть, революция!» [5].

В 12 главе поэмы Блока, прежде чем в финальных строках возникнет образ Христа, мотив «Кто идёт?» звучит в виде вариаций (курсив мой):

...Вдаль идут державным шагом...
— *Кто ещё там? Выходи!*
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...
Впереди — сугроб холодный.
— *Кто в сугробе — выходи!*
Только нищий пёс голодный
Ковыляет позади..
...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстаёт —
Пёс холодный — пёс безродный...
— *Эй, откликнись, кто идёт?*
— *Кто там машет красным флагом?*
— Приглядись-ка, эка тьма!
— *Кто там ходит беглым шагом,*
Хоронясь за все дома? [3, с. 20].

Сумбатов в поэме «Без Христа» в зловещей музыке новой эры тоже слышит этот оклик:

Но над Москвою сон проклятья,
Беды народной сон лихой,
Как будто Смерть свои объятья
Простерла цепко над Москвой...
Патруль с опаскою блуждает
В безлюдьи улиц взад-вперед,
И тишина шаги считает,
И эхо глухо повторяет
Тревожный оклик «*Кто идёт?..*» [2, с. 129].

Переключка поэм Блока и Сумбатова с романом Шуфа очевидна, не вызывает сомнений. Возможно, Сумбатов глубже многих современников постиг недряные смыслы поэмы «Двенадцать» и своей

поэмой призывал перечитать поэму Блока в более широком контексте словесности, истории России и Священного Писания. Анализируя поэму «Без Христа», Л.Ф.Алексеева отмечала, что «Сумбатов вслед за Блоком стремился осмыслить революционные события в России как явления не только социального, но и высшего, providенциального порядка» [6, с. 228]. Шуф в духовно-философском романе, утверждая, что главная причина революции кроется в отказе от Веры, от попыток устроить жизнь «без Христа» и «без креста», воссоздает образ революции сквозь призму Вечности, поднимая проблему веры и неверия.

Образы завывающего ветра, разбушевавшейся снежной вьюги, по традиции символизирующие бесовские силы, сопровождают революцию и в романе Шуфа «Кто идёт?», и в поэме Блока «Двенадцать», и в поэме Сумбатова «Без Христа». Шуф сравнивает революцию, которая «ползла в ночной темноте», со змеей, извивавшейся под копытами лошадей «Медного всадника» и Святого Георгия [5, с. 213]. Змей (змий) как исчадие ада возникает и в стихотворении «Пётр» Блока [7], и в перевёрнутом сонете Сумбатова «Медный всадник», опубликованном в годовщину смерти поэта в парижской газете «Русская мысль» [8].

В поисках ответа на вопрос: «Кто идёт?» Шуф обращается за помощью к идеям философа-мистика В.С.Соловьёва, задумавшего свой трактат об Антихристе — апокалипсическом звере из бездны, который, в философском представлении В.С.Соловьёва, «должен был явиться во всём блеске культуры и гуманитарных идей, дав человечеству фальсификацию христианской морали», а в действительности «это была отравленная красота, поившая мир кровью», когда «прекрасные идеи свободы, равенства, братства и общего материального благополучия порождали в массах только зависть и злобу, вели к террору и политическим убийствам», когда «несчастная, когда-то святая Русь, разрываемая на части, покрылась пожарами и погостами» [5, с. 221]. Шуф описывает, как под влиянием апокалипсических проявлений в мире постепенно агностицизм главного героя Андрея Петровича переходил в непоколебимую веру: «Одна железная армия могла отстоять трон и церковь, и когда в безмолвии маньчжурской ночи, а потом на заводе, окутанном метелью, часовой тревожно кричал: «Кто идёт?», — мне было ясно, что приближается под покровом ночного тумана. Таинственные тени выходили из темноты <...> Они чудились не мне одному. Но я верил, что у России есть своя великая цель, свое историческое и национальное призвание. Она должна быть носительницей христианства и высоко поднять в мире святую чашу истины» [5, с. 221].

Сумбатов, как и главный герой романа Шуфа Андрей Петрович, ценил священные традиции полка, «заветы братства, доблести и чести», понимал, что «в мрачную эпоху», которую переживала Россия, именно в них заключалась сила. В романе «Кто идёт?» образ идущих солдат и офицеров, защищающих вековые устои, освещает Богородица, а архистратиг Михаил призывает Андрея Петровича каменной надписью сла-

вянской вязью: «Прими оружие и щит и восстань в помощь Мою!» [5, с. 221]. Перечитывая поэму Блока в контексте произведений Шуфа и Сумбатова, современный читатель может понять, что образ Христа в финале «Двенадцати» возникает вовсе не случайно.

Глава «В метель» в поэме Сумбатова построена на антитезе жуткой картины свирепствующих бешовских сил явлению Спасителя, чей приход усмирил «метели рёв мятежный», мгновенно согрел весь воздух, повсюду расстелив «ковёр пушистый, снежный», наполнив ночь струящимся, ласкающим взгляд лучистым светом, «волной мелодий нежных», безбрежной песнью «Любви святой», роем «чистых грёз, волшебных, безмятежных»... При виде Христа «рой теней, что мчались в пляске вьюжной, / Вдруг потонул, пропал в дали жемчужной...» [2, с. 131-132]. Распятый в ходе революции «Христос идёт по спящим стогнам града», неся «святой и страшный крест», «пятная снег кровавыми следами». Несмотря на то что «Его чело в крови от игл терновых, / И много ран на Нём зияет новых... / Всё тело в них, и места нет живого, / Сочится кровь, светя живым огнём, / Но гнева нет в чертах Лица благого, — / В нём только скорбь, страданье только в нём...» [2, с. 133]. Сумбатов своей поэмой отчасти проявляет финальный блоковский образ, вызывающий горячие споры в течение почти целого столетия. Поэт-эмигрант, как и Шуф, убеждён, что только искренняя вера в Воскресение Спасителя способна возродить Россию:

Есть люди — верят, есть люди — знают,
Что правда только в одном Христе,
За правду терпят и погибают,
И умирают, как на кресте!
Тверда их вера, надежды крепки,
Молитва льётся их всякий час:
«О, Святый Боже! О, Святый Крепкий!
Святой Бессмертный, помилуй нас!» [2, с. 133-134].

И Шуф, и Блок, и Сумбатов при осмыслении эпохальных событий Российской истории обращаются к «Слову о полку Игореве», вскрывая в вечном памятнике отечественной словесности благодаря интертекстуальному прочтению новые смысловые контексты. Сумбатов создает оригинальный поэтический перевод-переложение, славя дружину и князей за то, что «вышли на поганых, защищая грудью христианство» [9]. Блок и Шуф включают образы, мотивы «Слова» в свои произведения: Блок прикровенно, а Шуф вплетает в структуру, художественную ткань романа «Кто идёт?», который открывается эпиграфом на церковнославянском языке и сонетом-посвящением К.К.Романову как Баяну «земли родной». Шуф признаётся, что, совершая путь «под гром войны к долинам Лаояна», «где шли на бой войска», сложил не «дней новых эпопею», а «труд иной, / — Простой рассказ, навеянный войной», и что его душе особенно близка «скорбь дружин, как Игоревы рана, / Как плен его», [5, с. 3].

Таким образом, поэмой «Без Христа» Сумбатов, проявляя скрытые смыслы поэмы Блока «Двенадцать», потаённо отсылает читателя к Шуфу, заставляя понять, что одним из источников блоковской по-

эмы мог быть роман «Кто идёт?»

Интересно интертекстуальное прочтение сумбатовских строк, в которых поэт-эмигрант аллюзией на цикл Блока «Пузыри земли» вольно или невольно обращается к сборнику Шуфа «В край иной...»:

Раскроешь Пушкина, читаешь с умилением:
«Редет облаков летучая гряда...»

И вдруг оглянешься с тоской, с недоумением, —
Да было ль это? Было ли когда?

Да, было! Вон она — на дне гнилой пучины
Белая красота погребена,

А на поверхности — узоры смрадной тины
Да пузыри, взлетевшие со дна [2, с. 177-178].

Последние строки стихотворения Блока «На перекрестке...» из цикла «Пузыри земли» («К иным горизонтам, / к иным временам...», 5 мая 1904) [10] словно послужили поводом для названия книги сонетов Шуфа «В край иной...», опубликованной в 1906 году. В предисловии автор писал, что в этой книге «рассказана история души, ищущей Бога», которую «от неверия и агностицизма, полного сомнений, от разбитых святынь прошлого длинный путь» привел «к вере, в край иной» [1, с. 2].

Сумбатов — самообытный поэт, впитавший и продолживший традиции русской классической литературы и активно ведущий диалог с поэтами его эпохи. Если большинство писателей и поэтов (А.С.Пушкин и М.Ю.Лермонтов, Ф.М.Достоевский и Вл.С.Соловьев, художники Серебряного века) прошли по стезе духовной эволюции восприятия мира (что проявилось в их творчестве), если многие эмигранты, современники Сумбатова, только в изгнании обрели истинную веру, то «русский итальянец» с младенчества воспринял духовные традиции в семье, а его поэзия на протяжении многих лет звучала голосом веры православной. Итак, личность В.А.Сумбатова и проблемы, им поднимаемые, способны определить вектор духовно-нравственного воспитания граждан страны.

1. ЦИАМ. Ф. № 459. Оп. № 2. № 6882. Распоряжения канцелярии попечителя Московского учебного округа. С. 138-147.
2. Шуф В.А. В край иной...: Сонеты. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. 228 с.
3. Сумбатов В.А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений. Pisa; М.: Водолей, 2006. 408 с.
4. Блок А.А. Двенадцать // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917—1921). М.: Наука, 1999. С. 7-20.
5. Шуф В.А. Кто идёт?: Роман. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 255 с.
6. Алексеева Л.Ф. [Раздел о В.А.Сумбатове] // История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 2: 1910—1930 гг. / Под ред. Л.Ф.Алексеевой. М.: Высшая школа, 2005. С. 227-229.
7. Блок А.А. Пётр // Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. Стихотворения: Кн. 2 (1904—1908). М.: Наука, 1997. С. 100.
8. Сумбатов В.А. Медный всадник // Газ. «Русская мысль». Париж, 1978, 27 июля, четв. № 3214. С. 10. (К годовщине со дня смерти).
9. Сумбатов В.А. Слово о полку Игореве [стихотворное переложение] // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Междунауч. научн. конф. Вып. 1: Русская литература кон-

ца XIX — начала XX в. Литература Русского зарубежья 1920—1930-х годов. Междунар. сб. научн. тр. / Ред.-сост. Л.Ф.Алексеева и В.А.Скрипкина. М.: Каталог, 2003. С. 223-229.

10. Блок А.А. На перекрестке... // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. Стихотворения: Кн. 2 (1904—1908). М.: Наука, 1997. С. 11.

References

1. Central Archive of Moscow. F. № 459. Inv. № 2. № 6882. Rasporyazheniya kantselyarii popechitelya Moskovskogo uchebnogo okruga [Orders of the Office of the trustee of the Moscow School district], pp. 138-147.
2. Shuf V.A. V kray inoy...: Sonety [To another country...: Sonnets]. Saint Petersburg, 1906. 228 p.
3. Sumbatov V.A. Prozrachnaya t'ma: Sbranie stikhotvoreniy [Transparent darkness. Coll. of poems]. Pisa; Moscow, 2006. 408 p.
4. Blokh A.A. Dvenadtsat' [Twelve]. Blok A.A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T. 5: Stikhotvoreniya i poemyy (1917—1921). Moscow, 1999, pp. 7-20.
5. Shuf V.A. Kto idet? Roman [Who goes there? A novel]. Saint Petersburg, 1907. 255 p.
6. Alekseeva L.F. [Razdel o V.A.Sumbatove] [Chapter on Sumbatov]. In: Istoriya russkoy literatury XX veka in 4 books, book 2: 1910—1930 gg. Moscow, 2005, pp. 227-229.
7. Blok A.A. Petr [Peter]. In: Full coll. of works and letters in 20 vols, vol. 2. Stikhotvoreniya: Kn. 2 (1904—1908). Moscow, 1997, p. 100.
8. Sumbatov V.A. Mednyy vsadnik [Bronze Horseman]. In: "Russkaya mysl". Parizh, 1978, 27 iyulya, chetv. № 3214, p. 10.
9. Sumbatov V.A. Slovo o polku Igoreve (stikhotvornoe pereložhenie) [The Song of Igor's Campaign. Verse translation]. In: Alekseeva L.F., Skripkina V.A., eds. Coll. of papers "Maloizvestnye stranitsy i novye kontseptsii istorii russkoy literatury XX veka. Vyp. 1: Russkaya literatura kontsa XIX — nachala XX v. Literatura Russkogo zarubezh'ya 1920—1930-kh godov" Moscow, 2003, pp. 223-229.
10. Blok A.A. Na perekrestke... [At the crossroads...]. In: Full coll. of works and letters in 20 vols, vol. 2. Stikhotvoreniya: Kn. 2 (1904—1908) Moscow, 1997, p. 11.